

P. Garde. Le mot, l'accent, la phrase: Études de linguistique slave et générale. Paris: Institut d'études slaves, 2006. 493 p.

Сборник избранных работ одного из крупнейших современных французских лингвистов Поля Гарда, изданный стараниями его младше-

го коллеги Реми Камю, включает в себя 36 статей по общему и славянскому языкознанию, написанных с 1965 по 2006 год (в дальней-

шем ссылки на это издание даются непосредственно в тексте).

Поль Гард (р. в 1926 г.) – фигура для современной лингвистики необычная. Один только взгляд на занимающую почти 20 страниц библиографию к сборнику (помимо нее, книга включает также превосходный список публикаций – отнюдь не только лингвистических! – П. Гарда и именной указатель), изобилующую редкими и порой труднодоступными работами на самых разных языках, позволяет заключить, что П. Гард по-настоящему любит читать работы своих коллег – качество, весьма редкое у современных лингвистов. При этом П. Гарда нельзя назвать ни главой, ни адептом какой-либо определенной научной школы. К грамматике Хомского он относится без враждебности, но явно скептически; синтаксической типологией интересуется, но, как будет ясно из дальнейшего, под очень своеобразным углом зрения. Насколько можно судить, высшими научными авторитетами для Гарда были и остаются три его совсем непохожих друг на друга соотечественника (двое из которых внесли очень заметный вклад и во французскую славистику) – Л. Теньер, А. Мартине и Ж. Вейренк. В основе лингвистической деятельности П. Гарда лежит глубокое убеждение в том, что язык устроен просто, а потому методы его описания – за некоторыми исключениями – также должны быть простыми: подход, с одной стороны, весьма соблазнительный, а с другой – таящий в себе некоторые опасности. Отсюда недоверие П. Гарда к трансформационным правилам, глубинным падежам, гиперролям (см. с. 310 (сн. 17), 323, 370) и другим подобным конструктам, без которых не обходится ныне практически ни один лингвист, занимающийся теорией языка, – недоверие, всецело разделяемое автором этих строк, но никак не способствовавшее популярности работ Гарда в лингвистическом сообществе в целом.

Разумеется, в рамках небольшой по объему рецензии невозможно одинаково подробно охарактеризовать все 36 работ, вошедших в книгу. Кратко упомянем сначала те из них, от детального анализа которых нам пришлось отказаться.

Основная идея давней (1965 г.) статьи «Границы морфем и границы фонем (на материале русского языка) (*Limite de morphèmes et limite de phonèmes (avec application au russe)*)» может быть проиллюстрирована знаменитой, многократно воспроизводившейся (см., например [Булыгина 1977: 145]) диаграммой (с. 17; пунктирные линии означают границы фонем, сплошные – границы морфем):

k	г	a	s	палатализация	e	t'
				N		

К сожалению, эта изящная схема не только неоперациональна, но и не учитывает многих фактов: неясно, как могут быть описаны с ее помощью, скажем, переход *o* в *a*, вызываемый суффиксом *-ыва-*, иногда отстоящим от морфемы, содержащей *o*, довольно далеко (ср. *заподозрить* – *заподозривать*), а тем более уйгурские словоформы, в которых наблюдается одновременно влияние вокализма корня на вокализм суффиксов (сингармонизм) и вокализма суффиксов на вокализм корня (умлаут).

Рассматриваемая статья вообще отмечена печатью радикализма, в целом П. Гарду совершенно не свойственного; так, если в ее конце автор в духе Мартине говорит о «ложном понятии “морфонологии”» (с. 37), то в последующих работах слово «морфонология» употребляется без всяких отрицательных коннотаций.

В статье «О трех сосуществующих морфологических системах русского языка (*Les trois systèmes morphologiques du russe*)» (1981 г.) П. Гард анализирует структуру морфем различных грамматических классов. Тезис о «трех морфологических системах» основан на том, что подавляющее большинство русских корневых морфем обязательно оканчиваются на *VC(C)* (ср. *ус, мост, яр-ый, пис-а-ть, ин-ой*), только глагольные корни могут иметь структуру *CV* (ср. *ду-ть*), только местоименные – структуру *C* (ср. *к-то, к-ого*); соответственно различается и структура окончаний. В целом эта проблематика разработана в русистике очень тщательно – ср. в первую очередь [Troubetzkoу 1934] и [Чурганова 1973], – и нельзя сказать, чтобы выводы автора отличались особой новизной.

Отметим, что в числе несомненных достоинств как этой, так и других работ П. Гарда по русской морфо(но)логии должна быть названа его последовательная и достаточно аргументированная борьба с концепцией структуры русского глагола, выдвинутой в классической статье Р. Якобсона «*Russian conjugation*» [Jakobson 1948] и принятой едва ли не большинством славистов (см. с. 40–41, 81–82). Подробнее об уязвимых сторонах концепции Якобсона см. [Иткин 2007: 126–128].

В статье «Акцентный контраст и интонационный контраст (*Contraste accentuel et contraste intonational*)» (1967 г.) рассматриваются интересные примеры несовпадения словесного и фразового акцента в таких языках, как венгерский, чешский, сербохорватский и французский, ср. франц. *Je n'étais pas au "cinéma, j'étais au "ciné-club* «Я был не в кинотеатре, а в киноклу-

бе», где логическое ударение падает на первый слог слов *cinéma* и *ciné-club*, а словесное – естественно, на последний.

Статья «Сравнительно-исторический метод в акцентологии (La méthode historico-comparative en accentologie)» (1990 г.) посвящена в первую очередь истории лингвистики и, как и ряд других работ Гарда, носит отчасти просветительский характер. В статье приводится подробная формулировка закона Соссюра, описывающего передвижение ударения в литовских словоформах, и говорится о влиянии этого открытия на становление школы балто-славянской исторической акцентологии, уделяющей первостепенное внимание влиянию на ударение морфологических факторов. Эта школа, началом деятельности которой можно считать выход книги Хр. Станга «Slavonic accentuation» [Stang 1957], связана с именами В.М. Иллич-Свитыча, В.А. Дыбо, А.А. Зализняка, П. и В. Кипарских, М. Халле и, конечно, самого П. Гарда – см. особенно [Garde 1976].

В статье «Функции тональных оппозиций в южнославянских языках (Fonctions des oppositions tonales dans les langues slaves du Sud)» (1966 г.) анализируется природа словесного акцента в трех южнославянских языках – чакавском, штокавском (на примере иекавского варианта литературного сербохорватского) и словенском. Как показывает П. Гард, чакавский является моросчитающим языком с музыкальным ударением, типологически близким древнегреческому, но без ограничений на место ударного слога в словоформе. Штокавский близок чакавскому, но различает тоны как на долгих, так и на кратких гласных и, следовательно, относится к числу не моросчитающих, а слогосчитающих языков типа русского. Наконец, в литературном словенском, единственном из всех славянских языков, тональные различия выступают не как реализация словесного акцента, а как имманентные, хотя и нейтрализуемые в определенных позициях, характеристики морфем.

Статья «Ударение в русских словоформах с беглой гласной (L'accent dans les formes russes à voyelle mobile)» (1968 г.) посвящена проблеме выбора места ударения в формах с беглой гласной. Как известно, ударение в таких формах может падать либо на слог с беглой гласной (*ослы* – *осел*, *сестра* – *сестер*, *умны* – *умен*), либо на предшествующий слог (*узлы* – *узел*, *сосна* – *сосен*, *верны* – *верен*). Общий вывод П. Гарда, согласно которому в русском языке наблюдается постепенный переход от второго типа к первому, не кажется убедительным: достаточно вспомнить, что такие формы, как *чѣрен* и *равѣнство*, в XIX в. могли произноситься как *черѣн* и *равѣнство*.

В статье «Эволюция русского ударения: некоторые тенденции (L'évolution de l'accent russe: quelques tendances)» (1974 г.) П. Гард прослеживает следующие системные изменения, наблюдаемые в русской акцентной системе в последние несколько веков:

- устранение старой акцентной подвижности, унаследованной от древних энклиноменов, при которой ударение обязательно падало либо на первый, либо на последний слог фонетического слова (маргинально-подвижного типа ударения, см. [Зализняк 1985: 17]), ср. *голова́* – *го́лову* – *на́ голову*, но совр. также *на го́лову*;

- развитие предфлексии и предсуффиксального ударения, ведущее, во-первых, к экспансии такого типа подвижности ударения, при котором оно находится либо на окончании, либо на последнем слоге основы (смежно-подвижного типа, см. [Там же]), ср. *сиротá* – *сирóты* и устар. *сироты*, а во-вторых, к сдвигу ударения влево в ряде грамматических форм, например, в причастии прошедшего времени, ср. *позолóченный* и устар. *позолóченный*, *затвѣрженный* и устар. *затвержѣнный*.

В статье «Миф о “заместительном удлинении” в украинском языке (Le mythe de l'allongement compensatoire en ukrainien)» (1986 г.) П. Гард подвергает сокрушительной критике широко распространенное объяснение перехода восточнославянских *e* и *o* в украинское *i* в новозакрытом слоге как «заместительного удлинения». Как остроумно и убедительно показывает автор (с. 203), такая интерпретация «четырежды неправдоподобна» – филологически, географически, хронологически и типологически. По мнению самого П. Гарда, после падения редуцированных *e* и *o* стали произноситься более закрыто, что и обусловило в дальнейшем их переход в *i*.

В статье «Изоморфизм между единицами языка и метра (Isomorphisme linguistique et linguistico-métrique)» (1991 г.) ставится проблема соотношения между текстовыми и метрическими единицами на трех уровнях – сложное предложение и строфа, простое предложение и строка, слово и стопа. П. Гард приходит к выводу о наличии между двумя этими рядами единиц глубинного изоморфизма. В статье рассматривается вопрос о том, каково возможное соотношение количества слов и стоп, а также границ между ними в четырех основных системах стихосложения – квантитативной, силлабо-тонической, силлабической и тонической.

Теме статьи «Части речи, преимущественно в русском языке (Des parties du discours, notamment en russe)» (1981 г.) посвящена литература столь необозримая, что сказать на этот счет что-либо принципиально новое, по-видимому, просто невозможно. Классификация, предла-

гаемая для русского языка П. Гардом, выглядит так (с. 244):

- изолированные слова (междометия, а также слова *да* и *нет*);
- соединительные (пустые) слова: сочинительные союзы, подчинительные союзы, предлоги, частицы;
- полнозначные слова: глаголы, наречия, предикативы, прилагательные, обстоятельственные слова, существительные.

Особо выделяются количественные числительные, а также – на основании семантических, а не синтаксических критериев – местоимения.

Явно надуманным представляется отстаиваемое П. Гардом разграничение наречий (= обстоятельств образа действия) и обстоятельственных слов (= обстоятельств места, времени и даже причины), вследствие которого, например, слова *слегка* и *сгоряча* оказываются принадлежащими к **разным частям речи** (см. с. 238–239).

В статье «Местоимения: грамматика или лексика? (Le pronom: grammaire ou lexique?)» (1984 г.) затрагивается вопрос о внутреннем устройстве класса местоимений. Заслуживает внимания предлагаемая автором типология способов выражения местоименных значений в языках мира, которые П. Гард называет **техникой грамматической систематизации** (образование более или менее регулярных морфологических рядов типа русск. *к-уда – т-уда – с-юда, к-огда – т-огда*), **техникой лексической систематизации** (сочетание местоименной основы с полнозначной, ср. англ. *somebody* «некто (букв. “некое тело”»», франц. *nulle part* «нигде (букв. “ни в какой части”»)) и **техникой амальгамирования** (использование единой нечленимой лексемы, ср. русск. *теперь*, франц. *ailleurs* «в другом месте»).

Статья «О двойственной природе синтаксических отношений: зависимость и референция (Dualité de la relation syntaxique: Relation dépendantelle et relation référentielle)» (1985 г.) посвящена проблеме иерархических отношений в паре «субъект – предикат». Как известно, один крупный французский лингвист – Ш. Балли – считал главным членом предложения подлежащее, а другой – Л. Теньер – сказуемое. Согласно П. Гарду, оба эти подхода правомерны, но опираются на различные основания. Первый из них связан с экстралингвистической идеей **референции** (существительное функционирует как субстанция, глагол – как акциденция), второй – с собственно-лингвистической идеей **зависимости**. Соответственно, первый тип связи между словами проявляется в форме согласования (направленного от существительного к предикату), второй – в форме

управления (направленного от предиката к существительному).

В небольшой заметке «Взгляды Теньера на синтаксис и семантику (Syntaxe et sémantique chez Tesnière)» (1994 г.) анализируется теоретическая концепция Л. Теньера и ее отражение в его *magnum opus* – «Основах структурного синтаксиса». Несмотря на свою исключительно высокую оценку этого труда, П. Гард проницательно замечает, что между двумя главными идеями Теньера – понятием зависимости и теорией актантов и сирконстантов – нет обязательной логической связи, и намечает пути продолжения этой лакуны.

Статья «О так называемых симпатетических падежах в современном русском языке (Des cas dits «sympathétiques» en russe contemporain)» (1986 г.) посвящена правилам употребления трех падежных конструкций, которые П. Гард относит к числу «симпатетических» – с дательным беспредложным (*Он пожал другу руку*), дательным с предлогом *к* (*Он вошел к Соне в комнату*) и родительным с предлогом *у* (*У Ивана ноги замерзли*). Основное возражение, возникающее при чтении статьи, заключается в следующем: П. Гард рассматривает все такие примеры как результат своего рода трансформации обычной посессивной конструкции (*Он пожал другу руку* < *Он пожал руку друга*), однако в целом ряде случаев гипотетическая «исходная» конструкция оказывается невозможной, ср. *Она бросилась ему на шею* – **Она бросилась на его шею*. *Иван дал Петру по морде* – **Иван дал по морде Петра*.

Статья «Выражение значения временной протяженности во французском и в славянских языках (La durée en français et dans les langues slaves)» (2006 г.) преследует прежде всего прикладную цель: помочь предотвратить многочисленные ошибки, которые носители славянских языков, изучающие французский, и французы, изучающие славянские языки, делают в употреблении таких конструкций, как *Прошло уже три дня*. Работа содержит подробный и тонкий анализ французских временных конструкций с предлогами *depuis* и *pendant*, а также без предлога – типа *Il a habité ici un an* «Он прожил здесь год».

В статье «Комитативные конструкции в русском языке (Les tournures comitatives en russe)» (1995 г.) рассматриваются особенности русских оборотов со значением совместности. При этом к числу комитативных конструкций П. Гард несколько неожиданно относит также сложные прилагательные (ср. *она таинственно-красива*) и самые обычные предложения с дееспричастием настоящего времени (ср. *он отвечает улыбаясь*).

Большой интерес представляет статья «Русские предложения с междометным сказуемым как синтаксическая категория (La phrase à prédicat interjectif comme catégorie syntaxique du russe)» (1986 г.). К числу предложений с междометным сказуемым П. Гард относит не только фразы типа *Они бух в воду*, но и такие примеры, как *Стала она тащить, рама и упади; А царица хохотать; Он об этом молчок; Препрежних всех в шею; Колокольчик дин-дин-дин* и некоторые другие. Основным аргументом в пользу объединения всех этих классов случаев в единую категорию служит, согласно П. Гарду, наличие у них ряда общих свойств: неизменяемости по времени, обозначения быстрого и неожиданного действия, экспрессивности. Нельзя не отметить, впрочем, что примерам типа *Колокольчик дин-дин-дин* не только второе, но и третье из этих свойств не присуще.

Статья «Структура придаточного обстоятельственного в русском языке (Structure de la subordonnée circonstancielle en russe)» (1988 г.) посвящена анализу структуры сложных предложений с придаточными времени, условия, уступки, причины и цели, а также их бессоюзных аналогов. По наблюдениям П. Гарда, предложения с придаточными первых трех типов, тяготеющими к препозиции, сохраняют свою структуру и отношения между частями и в отсутствие подчинительного союза, ср. (*Когда / Если*) *встанет – почувствует боль*. Напротив, бессоюзные корреляты предложений с постпозитивными придаточными – причины и цели – нельзя рассматривать как сложноподчиненные предложения: в случаях типа *Он почувствовал боль: он проснулся*, в отличие от *Он почувствовал боль, потому что он проснулся*, причинно-следственная связь между двумя событиями если и может быть установлена, то на основе прагматических, а не собственно-языковых факторов.

В статье «Сложное предложение в русском языке: придаточное диалогическое и придаточное цитативное (La phrase complexe russe: subordonnée de dialogue et subordonnée de citation)» (1990 г.) на примере русских пословиц рассматриваются два типа сложноподчиненных предложений. В конце статьи предпринимается попытка применить полученные результаты ко всему материалу русского языка. На наш взгляд, анализ оказывается существенно запутан избранной П. Гардом терминологией. К числу «придаточных диалогических» он относит фразы типа *Кто нужды не видал, тот и счастья не знает, Проймет голод – появится и голос*, рассматривая их первые части как вопрос, а вторые – как ответ, хотя единственно мыслимым кажется обратное соотношение (*Кто счастья не знает? – (Тот,) кто нужды не видал.*). Аналогичным образом, на-

личие «цитаты» можно усматривать в примерах типа *Богатый бедному дивится, чем он живится*, но никак не в примерах типа *Дожили до того, что не осталось ничего*.

В статье «О псевдопараллелизме между обстоятельством и придаточным обстоятельством (Le faux parallélisme du complément circonstanciel et de la proposition circonstancielle)» (1993 г.) констатируется отсутствие обязательной корреляции между различными типами обстоятельств и вроде бы соответствующими им обстоятельственными придаточными предложениями. Так, в русском языке нет придаточных предложений места и, наоборот, условные придаточные не имеют аналогов в рамках простого предложения.

Статья «Грамматические категории у Миклошича (Les catégories grammaticales chez Miklošič)» (1992 г.) посвящена синтаксическим воззрениям великого словенского лингвиста Ф. Миклошича (1813–1891), изложенным в IV томе его «Сравнительной грамматики славянских языков».

Наконец, еще три работы, вошедшие в сборник, – «К истории восточнославянских гласных среднего подъема (Contribution à l'histoire des voyelles d'aperture moyenne dans les langues slaves orientales)», «Русское *каковó* (Russe *kakovó*)» и «Структура русского местоимения (De la structure du pronom russe)» – легко доступны российскому читателю (см. [Гард 1974; 1985а, б]), так что мы позволим себе отказать от их рассмотрения.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению некоторых направлений исследовательской деятельности П. Гарда, необходимо высказать одно соображение общего характера.

П. Гард прекрасно знает и любит не только русский язык, но и русскую культуру; во Франции он известен в том числе и как популяризатор, комментатор и переводчик поэзии Тютчева. Его статьи изобилуют примерами из русской литературы – от Пушкина до Зои Богуславской, собранными, напомним, в то время, когда ни об Интернете, ни о модной ныне корпусной лингвистике не было и речи. Кроме того, П. Гард всегда охотно прибегал к помощи информантов. И, несмотря на все это, как сам русский материал, так и его интерпретация в книге содержат немало неточностей и даже ошибок.

Иногда эти ошибки незначительны, почти курьезны:

– на с. 69 говорится, что в незаимствованных корнях не бывает более одного сочетания согласных в начальной позиции. Это не слишком содержательное обобщение еще и неверно – ср., например, *горностай*;

– на с. 229 утверждается, что слово *спасибо* в неизолированных употреблениях типа *спасибо за письмо* ведет себя, как глагол. Чтобы проверить справедливость этого утверждения, достаточно сделать приведенный П. Гардом пример чуть более распространенным – ср. *большое спасибо за письмо*;

– на с. 310 процитированная в поэме «Двенадцать» первая строка знаменитого «Узника» Ф. Глинки («Не слышно шуму городского...») приписана непосредственно Блоку.

Иногда – более серьезные:

– на с. 174 важное для акцентологических построений Гарда слово *городничиха* приводится с ударением на предпоследнем слоге, тогда как для современного узуса нормально только *городни́чиха*;

– на с. 221 упомянут переход русской поэзии от тонической системы стихосложения к силлабо-тонической. Однако русская силлабо-тоническая поэзия восходит не к народному тоническому стиху, а к предшествующей силлабике, в свою очередь, возникшей на основе западноевропейских образцов: ср., например [Гаспаров 2000];

– на с. 410 утверждается, что подчинительный союз *за то что* почти обязательно требует постпозиции придаточного, тогда как союз *так как* вполне допускает его препозицию. Несколько огрубляя картину, можно сказать, что дело обстоит как раз наоборот.

В статье «Русские падежи: номинотонический подход (*Les cas russes: approche nominotonique*)» (1983 г.) предпринята попытка установить системный параллелизм между номинативом и инессивом (предложной группой со значением местонахождения), аккузативом и иллативом (предложной группой со значением конечной точки), партитивом и аблативом (предложной группой со значением удаления). Эта соблазнительная, но совершенно иллюзорная картина приводит автора к целому ряду неверных утверждений. Вот лишь некоторые из них. В качестве «партитива» П. Гард рассматривает все употребления русского родительного падежа, кроме примеров типа *У Юли есть слон*. При этом считается, что партитив во всех своих употреблениях связан с отрицанием. Чтобы совместить с этим тезисом примеры типа *Я достиг результата*, П. Гард вынужден прибегать буквально к следующей аргументации: «Если бы не достиг, результата бы не было» (с. 311). Остается только удивляться, почему же в примерах типа *Я получил результат* или *Он выхлопотал пенсию* дополнение все-таки стоит в винительном падеже. В ходе анализа употреблений иллатива делается вывод, что в предложениях с глаголами восприятия иллатив всегда относится к дополне-

нию (*Я вижу птичку на ветке*). Конечно же, это не так, ср. *В Париже я слушал Брассанса*.

Совсем странное впечатление производит статья «Дистрибуция хиатуса и статус фонемы /й/ в русских словоформах (*La distribution de l'hiatus et le statut du phonème /j/ dans le mot russe*)»¹ (1972 г.), согласно которой хиатус в русских словах (как исконных, так и заимствованных) возможен внутри корня (*кау́рый, поэт*), на границе приставки и корня (*нау́ка*), на границе соединительной гласной и второй основы (*слабоу́мный*), но невозможен на правой границе корня, в суффиксах и окончаниях, на границе первой основы и соединительной гласной (с. 38). Это наблюдение не просто ошибочно – оно абсурдно. Иноязычные основы с исходом на гласную, присоединяющие /й/ перед падежными окончаниями, не присоединяют его перед многими иноязычными суффиксами (причем сами суффиксальные дериваты могут быть образованы уже непосредственно в русском языке), а порой – и перед соединительным -о-: *гений – гениальный, линия – линейный, станция – станционный, Венеция – венецианка, Азия – азиат, религия – религиозный, религиовед*; ср. также примеры несколько иного типа – *узуальный, марсианин, радиола* и т.д., исчисляющиеся буквально сотнями.

Этот перечень легко было бы продолжить. Тем не менее его никоим образом не следует рассматривать как упрек лично П. Гарду. Показательно, что в обсуждении его доклада о дистрибуции хиатуса приняли участие сразу несколько крупнейших славистов (см. с. 44–47), – и никто из них не обратил внимания на то, что процитированные примеры. По-видимому, при работе даже с хорошо знакомым, но все же не родным языком такие ошибки неизбежны². Это заставляет еще раз задуматься о степени

¹ По каким-то неясным причинам как в оглавлении, так и непосредственно в тексте в названии этой статьи вместо *phonème* напечатано *motphème*, хотя речь идет именно о фонеме /й/, что подтверждается и перечнем публикаций (см. с. 457).

Вообще следует сказать, что, хотя в целом сборник издан скорее тщательно, чем небрежно, опечаток, иногда способных по-настоящему сбить читателя с толку, в нем все-таки много.

² Можно думать, что подобного рода ошибки могут быть выявлены и на материале других языков, упоминаемых в книге П. Гарда. Так, немалое удивление вызывает «+», бестрепетно поставленный напротив латыни в перечне языков, для которых характерен порядок слов «прилагательное – существительное» (с. 60). Мы, однако, не решаемся выносить какие-либо суждения на этот счет.

лингвистической достоверности многих работ по типологии, нередко построенных на материале десятков и даже сотен языков, ни с одним из которых автор не знаком по-настоящему...

Так или иначе, наличие в сборнике ряда неудачных статей никоим образом не должно помешать читателю увидеть в нем немало статей весьма ценных. В первую очередь это относится к, пожалуй, основной области научных интересов П. Гарда – акцентологии. В опубликованной еще в 1965 г. (!) статье «Акцентуация и морфология (*Accentuation et morphologie*)» он одним из первых выдвинул и применил на практике идею описания свободного ударения путем установления акцентных характеристик морфем и правил их взаимодействия в рамках словоформы.

Вот как выглядят предложенные в этой работе правила выбора места ударения в итальянском языке (с. 91):

- всякий корень может нести на себе ударение;

- среди суффиксов и окончаний некоторые могут, а некоторые – не могут нести на себе ударение;

- если в словоформе представлено несколько морфем, способных нести на себе ударение, ударение падает на последнюю из них.

О своем приоритете в открытии этого замечательного правила П. Гард говорит без уверенности – это и понятно, учитывая его исключительную простоту. Во всяком случае, нельзя не согласиться с тем, что к моменту выхода этой статьи предложенный подход к описанию итальянского ударения отнюдь не был общепринятым, – и в очередной раз поразиться склонности лингвистов заниматься чем угодно, только не тем, чем нужно.

Две работы, тематически примыкающие к статье «Акцентуация и морфология», – «Акцентные характеристики морфем в сербохорватском (*Les propriétés accentuelles des morphèmes serbo-croates*)» (1966 г.) и «Модель описания русского ударения (*Modèle de description de l'accent russe*)» (1978 г.) – в силу своей краткости имеют скорее иллюстративный характер. Вторая из них к тому же в значительной степени «перекрыта» более поздней по времени книгой А.А. Зализняка [Зализняк 1985], что, впрочем, несколько не умаляет заслуг французского ученого.

В работе «Заметка об энклизе и проклизе в македонском языке (*Note sur l'enclise et la proclise en macédonien*)» (1968 г.) анализируются следующие загадочные на первый взгляд особенности македонских тактовых групп:

- ударение в македонском языке падает на третий слог от конца: *sinóvi* «сыновья»;

- при этом наличие энклитик существенно для выбора места ударения: *sinóvi mi* «мои сыновья», *dajté mi go* «дайте мне сго», – а наличие проклитик – нет: *sme tu go zéle* «мы сго ему взяли» (*sme* – вспомогательный глагол);

- однако при сочетании глагола с вопросительным местоимением или частицей *ne* образуется единый акцентный комплекс, в составе которого ударение падает на третий слог от конца даже в том случае, если этот слог принадлежит проклитике: *štó čekaš?* «Чего (ты) ждешь?», *né znam* «не знаю», *ne sme tu gó zele* «мы сго ему не взяли».

П. Гард предлагает блистательную разгадку этого парадокса: в сочетании с вопросительным словом или отрицанием глагольная словоформа теряет ударение. Таким образом, не только она сама, но и предшествующие ей проклитики оказываются безударными словами, стоящими в **постпозиции** к полноударному слову, т.е. энклитиками, а потому, по общему для македонской просодии правилу, способны нести на себе ударение.

В статье «Нейтрализация тонов в общеславянском языке (*La neutralisation du ton en slave commun*)» (1976 г.) предпринимается попытка решения сложной проблемы исчезновения интонационных различий в славянских словах с подвижным ударением на фоне их сохранения в балтийском. Основываясь на трех типах отражения праславянских долгих гласных в сербохорватском и словацком (серб.-хорв. краткий – словац. краткий, серб.-хорв. долгий – словац. долгий, серб.-хорв. долгий – словац. краткий) и рассматривая особенности рсфлексации этих гласных в различных морфологических позициях, П. Гард выступает против выдвигавшегося рядом авторов тезиса о чисто аналогическом характере славянской нейтрализации. Согласно формулируемому им закону, **различие между акутом и циркумфлексом в праславянском сохранялось в ударных и заударных слогах, но утрачивалось в предупредных слогах, а также в словах, не имевших на себе ударения (энклиноменах)**. Насколько нам известно, это решение не было безоговорочно принято другими специалистами по балто-славянской акцентологии; краткая работа П. Гарда, содержащая также ряд других интересных наблюдений, требует проверки на более обширном материале.

Помимо акцентологии, значительное место в исследованиях П. Гарда занимает синтаксис. Не случайно в одной из самых известных его работ – «По поводу бисинхронического метода (*Pour une méthode bisynchrone*)» (1988 г.) – ис-

точником иллюстративного материала служит не только акцентуация русских имен и глаголов, но и синтаксис количественных числительных. Идея бисинхронического подхода состоит в том, что системная вариативность, наблюдаемая в той или иной сфере языка (ср., например, ударение глаголов на *-ить*: *кру́жит* – *кру́жит*, *включи́т* – *включи́т*... – или падеж прилагательного в сочетаниях типа *три гордые / гордых пальмы*), описывается как результат взаимодействия двух различных групп правил, одна из которых чаще всего отражает прежнее состояние языка, а вторая – более новое. Одним из образцовых примеров практического применения бисинхронического метода можно назвать статью «Глагольное ударение в сербохорватском: опыт бисинхронического анализа (*L'accent du verbe serbo-croate: essai d'analyse bisynchrone*)» (1981 г.), в которой предложены два набора акцентных маркировок морфем и две системы правил, регламентирующих выбор места ударения в сербохорватских глагольных парадигмах. Сравнивая две эти системы, П. Гард убедительно демонстрирует, что сербохорватский язык находится на стадии перехода от парадигматического акцента к категориальному.

Если работы П. Гарда в области акцентологии, в общем, всегда привлекали к себе внимание, то с его синтаксическими исследованиями дело обстоит значительно хуже. Очень показательна в этом плане судьба статьи «Анализ русских оборотов типа *мне нечего делать* (*Analyse de la tournure russe *mne nečego delat'**)» (1976 г.). Рассматривая конструкции с так называемыми «отрицательными местоимениями» типа *некуда*, *нечего* и т. д., П. Гард приходит к заключению, что частица *не* и примыкающая к ней местоименная форма являются двумя разными словами, между которыми вдобавок не обнаруживается непосредственной синтаксической связи (с. 250). Излишне напоминать, что в точности таким же выводом («...некого, нечего, негде, некуда, неоткуда, не зачем внешне маскируются под слова, а на деле не являются даже словосочетаниями с внутренне замкнутой синтаксической структурой») завершается знаменитая статья [Апресян, Иомдин 1989], посвященная той же проблеме. В работе Ю.Д. Апресяна и Л.Л. Иомдина статья Гарда упоминается вскользь – в основном в связи с различным пониманием вопроса о синтаксической структуре обсуждаемых конструкций. Между тем, как мы видим, куда более важный, на наш взгляд, вопрос о структуре единиц типа *некуда* в обеих работах решен одинаково, и научный приоритет здесь несомненно принадлежит П. Гарду.

Статья «Линейный порядок и синтаксическая зависимость: опыт типологии (*Ordre linéaire et dépendance syntaxique: contribution à une typologie*)», как кажется, и вовсе прошла практически незамеченной. В этой работе П. Гард сравнивает типологические наблюдения, касающиеся порядка значимых элементов, представленные в работах Л. Теньера и Дж. Гринберга. Написанная в 1977 г., к тому же ученым, по большому счету все-таки далеким от соответствующей проблематики, эта статья сейчас выглядит во многом устаревшей. В частности, П. Гард нигде не говорит напрямую о языках правого и левого ветвления и рассматривает взаимное расположение прилагательного и существительного в том же ряду, что и, например, взаимное расположение глагола и дополнения; ныне, после работ М. Драйера (см. [Dryer 1988]), неправомочность такого подхода можно считать доказанной.

Однако работа обладает и рядом несомненных достоинств.

Во-первых, П. Гард не только сопоставляет взгляды Теньера и Гринберга, но и возвращает в научный оборот давнюю работу непосредственного предшественника Гринберга В. Шмидта [Schmidt 1932]. Излишне говорить, что если Теньер в своей книге ссылается на Шмидта, то Гринберг не ссылается ни на Шмидта, ни на Теньера...

Во-вторых, П. Гард считает необходимым обращать особое внимание как собственно на исключения из общих закономерностей, так и на случаи сложных условий выбора между конкурирующими порядками, формулируя особые правила на этот счет (с. 60–61). Конечно, такой подход нельзя не признать несколько наивным – скажем, в русском языке соответствующие правила исчисляются как минимум многими десятками. Тем не менее он вызывает куда большее уважение, чем подход Дж. Гринберга, попросту игнорирующего многочисленные значимые различия между языками.

В-третьих, П. Гард распространяет понятие зависимости на отношения между морфемами внутри словоформы, рассматривая окончания и суффиксы как вершины, а корни – как зависимые. Напомним, что в отечественной лингвистике в те же годы проблемой синтаксиса словоформы занимался А.Н. Барулин, пришедший к сходным выводам [Барулин 1980]. Однако, например, в превосходном учебнике Я.Г. Тестельца о трактовке суффиксов как вершин говорится лишь применительно к генеративной грамматике [Тестелец 2001: 488]. Ни одна работа П. Гарда в книге Я.Г. Тестельца не упоминается вообще.

В завершение коснемся еще одной статьи П. Гарда, посвященной синтаксису, – «Глаголь-

ный эллипсис, нулевой глагол и безглагольное предложение в русском и французском языках (*Ellipse du verbe, verbe zéro et phrase non verbale en russe et en français*)» (в сборнике она опубликована впервые). В начале работы автор с едкой иронией говорит о стремлении приверженцев трансформационного подхода приписывать предложениям, не укладывающимся в априори заданные схемы, ту или иную глубинную структуру, вид которой определяется в первую очередь... родным языком исследователя (с. 370). Анализируя русские предложения *Татьяна в лес, медведь за нею, Зачем вы ко мне?, Домой бы вам, Он об этом ни гугу* и др., П. Гард показывает, что они являются в точном смысле слова безглагольными, т.е. не могут рассматриваться ни как эллиптические, ни как содержащие нулевую связку. Первое решение невозможно потому, что нарушается основное требование к эллиптической фразе – однозначная выводимость из контекста (ср. *Татьяна идет (?) / бежит (?) / вбежала (?) / бросилась (?) / ... в лес*). Второе – потому, что нулевая связка неизменно входит в состав единой парадигмы с другими формами глагола *быть*, ср. *Татьяна (была, будет) в лесу, но Татьяна (*была, *будет) в лес*. Мы вполне допускаем, что этот, на наш взгляд, абсолютно неоспоримый вывод противоречит каким-то из господствующих ныне синтаксических концепций. Тем хуже для этих концепций.

Яркая, противоречивая и талантливая книга Поля Гарда будет интересна всем тем, кого многоступенчатые теоретические построения современной лингвистики еще не отучили видеть красоту языковых фактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян, Иомдин 1989 – Ю.Д. Апресян, Л.Л. Иомдин. Конструкция типа *негде спать*: Синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. Вып. 29. М., 1989.
- Барулин 1980 – А.Н. Барулин. О синтаксисе словоформы (на материале турецкого языка) // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980 г.). М., 1980.
- Булыгина 1977 – Т.В. Булыгина. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Гард 1974 – П. Гард. К истории восточнославянских гласных среднего подъема // ВЯ. 1974. № 3.
- Гард 1985а – П. Гард. Русское *каково* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15 (современная зарубежная русистика). М., 1985.
- Гард 1985б – П. Гард. Структура русского местоимения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15 (современная зарубежная русистика). М., 1985.
- Гаспаров 2000 – М.Л. Гаспаров. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд. М., 2000.
- Зализняк 1985 – А.А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Иткин 2007 – И.Б. Иткин. Русская морфология. М., 2007.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Чурганова 1973 – В.Г. Чурганова. Очерк русской морфологии. М., 1973.
- Dryer 1988 – M.S. Dryer. Object-verb order and adjective-noun order: dispelling a myth // *Lingua*. V. 74. 1988. № 1.
- Garde 1976 – P. Garde. Histoire de l'accentuation slave. T. 1. Paris, 1976.
- Jakobson 1948 – R. Jakobson. Russian conjugation // *Word*. V. IV. 1948. № 3.
- Schmidt 1932 – W. Schmidt. Die Sprachfamilien und Sprachkreise der Erde. Heidelberg, 1932.
- Stang 1957 – Chr.S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Troubetzkoy 1934 – N.S. Troubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache // *TCLP*. T. 5. 1934. № 2.

И.Б. Иткин